

Генри Лайон Олди

Проклятие

*Часть сборника
Три повести о чудесах (сборник)*

Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых

Генри Олди

Проклятие

«Автор»

2007

Олди Г. Л.

Проклятие / Г. Л. Олди — «Автор», 2007 — (Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых)

«— Ну так что, мастер? Выветрилось? Староста с жалкой надеждой заглянул в лицо Андреа Мускулюсу: снизу вверх. Не дождавшись ответа, он извлек из-за пазухи клетчатый платок размером с полковое знамя, снял картуз — и начал старательно промокать вспотевшую лысину. Блестящая, гладкая, в окружении редких прелых волосиков, лысина сочувствия не вызывала...»

© Олди Г. Л., 2007

© Автор, 2007

Проклятие

Компиляция из отчета Андреа Мускулюса, действительного члена лейб-малефициума, о рабочей поездке в Ясные Заусенцы, материалов королевской канцелярии за Год Седой Мантикоры и воспоминаний столетней давности. В конечном виде передано Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу Надзора Семерых, лично лейб-малефактором Серафимом Нексусом.

«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

Первое послание к Коринфянам

*...Охатку вздохов на скамейке,
Мгновенья чудного итог,
Аплодисменты шапито
И ужин старенькой семейки,
Затем беру вчерашний суп,
Пасть рокового чемодана,
Колоду карт, где дура-дама
Валета-блудня тянет в суд,
Крыжовник, от дождя рябой,
Немного страсти, много лени,
И столбенею в удивленье:
Любовь!
Гляди-ка ты! – любовь...*

Томас Биннори, «Я не умею о любви»

– Ну так что, мастер? Выветрилось?

Староста с жалкой надеждой заглянул в лицо Андреа Мускулюсу: снизу вверх. Не дождавшись ответа, он извлек из-за пазухи клетчатый платок размером с полковое знамя, снял картуз – и начал старательно промокать вспотевшую лысину. Блестящая, гладкая, в окружении редких прелых волосиков, лысина сочувствия не вызывала.

Мода на платки возникла в столице год назад. Начало ей положил заезжий нобилит – щеголь, знаток поэзии и записной дуэлянт Раймонд д'Эстанор. Нет, в Реттии и раньше не пренебрегали этим предметом туалета! Но лишь после д'Эстанора стали носить при себе не один, а целую коллекцию платков. За поясом, в карманах, за обшлагами рукавов; с кружевами и без, льняные и батистовые. Позже, когда мода получила широкое распространение, платки стали повязывать еще и на шею.

Франты спорили, что красивей: «узел висельника» или «мертвый узел»? Офицеры-кавалеристы с пеной у рта доказывали, что правильно завязанный платок защищает шею от сабельного удара.

Кое-кто верил.

Однако староста Ясных Заусенцев, поселка строгалей, ничего не знал о причудах столичных модников. Да и то сказать: платок в поселке имелся у него одного, чем он заслуженно гордился.

– С ходу не определишь, – Мускулюс счел выдержанную паузу достаточной. – Проклятие, сударь, штука тонкая. Опутает паутинкой, а на поверку-то паутинка крепче стали! Не кто-нибудь, сам Нихон клал. Великий Нихон!

Тяжкие вздохи строгалей послужили красноречивым ответом. Вокруг собралось человек двадцать. Стояли как бы поодаль, в разговор не вступали, но ловили каждое слово. Казалось, у яснозаусенцев вот-вот отрастут стоячие волчьи уши – чтобы лучше слышать.

«Среди бела дня от работы отлынивают? – вяло удивился малефик. – Не похоже на деревенских. Да еще в начале осени! Сельчане в такую пору головы поднять не успевают...»

– Исследовать надо, – подвел он итог. – За тем и приехал: глазить. В смысле, глазеть. Астрал просвищу, мана-фактурку пощупаю. Тонкие возмущения, то да се... Но первым делом – опрос свидетелей.

Староста охнул от изумления.

– Свидетели? Какие такие свидетели?! Померли все давно. Проклятью сто лет в обед... В смысле, до завтраго цельный век сравняется.

– Юбилей, значит, – усмехнулся высокий гость.

– Убилей, ага. Где ж я вам свидетелей... Или подымать станете?

– Подъем усопших – не мой профиль. Я малефик, а не некрот, – сухо уведомил Мускулюс. – Зато проклятия – как раз по моей части. Потомки свидетелей в деревне есть? Ну, внуки там, правнуки?

– Ясен заусенец, есть...

Староста вдруг начал мямлить, сделавшись подозрительно косноязычен. Глазки его, похожие на недозрелые ягоды крыжовника, забегали с беспокойством.

– Дык какого ж рожна они вам расскажут? Внуки эти?! Все быльем поросло! Где правда, где байки – не разберешь...

– Ничего, разберусь! – заверил Мускулюс. – Или вы хотите, чтоб я вызвал сюда свою дражайшую супругу? И она восстановила против себя полкладбища, дабы получить показания из первых уст? Моя Номочка это может. Запросто!

– Дражайшую не надо, – попросили из толпы.

– Мы уж сами...

– Как отцу родному!

– Эй, Юрась! Чего рожу воротить?

– Твой пращур аккурат его привечал, колдуняку!

– Думал чужой бородой медку загрести?

– Идемте, сударь малефик, – Юрась Ложечник, староста Ясных Заусенцев, сдернул картуз, скомкал его в кулаке и погрозил предателям-землякам: ужо я вас, сволочей языкатых! – Отобедаем, а там и допрос учиним на сытое брюхо. Ох, Ползучая Благодать, спаси-сохрани! Люди верно гутарят: с моего прапрадеда беда началась. Тоже Юрасем звали, шалопая. В смысле, это меня – тоже... Стал быть, моей личности и ответ первой держать. Пошли, вон она, хата, – недалече...

Малефик улыбнулся.

– Я и не сомневался в вашем содействии, сударь.

Он бы никогда в жизни не узнал, что есть такой поселок. Но бывают люди, которым нельзя отказать. Называются эти люди – начальство. А оно, начальство, уж такое непосредственное...

– Заходи, дружок! Присаживайся. Обожди минутку, я сейчас...

В столице давно перевелись самоуверенные болваны, которые могли бы купиться на добродушно-ласковый тон Серафима Нексуса, лейб-малефактора Реттии. Еще бы они не перевелись! Начни вести себя с приветливым старичком запанибрата, устрой интрижку за его согбенной, дряхлой спиной – сам не заметишь, как пойдешь гулять ногами вперед.

Андреа Мускулюс к самоуверенным болванам не относился. Перед главным вредителем королевства он до сих пор испытывал благоговейный трепет. Даже зная, что старец к нему

благоволит, – трепетал. Поэтому он тихо присел в «гостевое» кресло и затаил дыхание – дабы, упаси Нижняя Мама, не потревожить занятого важным делом Серафима.

Кресло делали лейб-малефактору на заказ. От ножек до спинки волхвы-краснодеревщики напичкали мебель уймой магомеханических устройств. При малейшей угрозе в адрес хозяина дома посетитель был бы в мгновение ока обездвижен – или умерщвлен дюжиной изящных способов. Остаться стоять? – но это означало бы проявить недоверие и тем оскорбить чувствительного старца. Уж лучше мы в креслице потоскуем, от нас не убудет.

В первый раз, что ли?

И начальству приятно, и мы силу воли закалим.

Серафим Нексус был поглощен творчеством во благо престола. Он выкладывал на подносе из рунированного серебра «висячку» – сложнейший экзанимарный узор отсроченного действия. На столе перед старцем красовалась целая выставка хрустальных скляниц с «веселой трухой» – измельченными ногтями, волосами и мозолями объекта. Нексус зачерпывал из скляниц фарфоровой ложечкой, смешивал компоненты в одному ему ведомых пропорциях, пересыпал смесь в миниатюрную бронзовую воронку, плевал туда – и выводил очередной фрагмент узора.

– Еще одно, последнее заклятье!.. – напевал лейб-малефактор, морща лоб.

Вскоре старец надежно закрепил новорожденное заклинание гомеостазиса и умыл руки.

– Теперь судьба графа Ивентуса всецело в руках его сиятельства, – с блаженной улыбкой сообщил он Мускулюсу. – Поостережется строить козни – проживет долгую и, хе-хе, счастливую жизнь. Если же окажется неблагоприятен... Пожалеть об этом он успеет, а искупить – вряд ли. Впрочем, в гробу я видал этого графа. Знаешь, отрок, зачем я пригласил тебя?

– Никак нет, господин лейб-малефактор!

– Тогда разуй уши и внимай...

Прошение из Ясных Заусенцев поступило на высочайшее имя. Его вручили королю вместе с другой прошедшей строгий отбор корреспонденцией. Нечасто среди посланий от монархов сопредельных держав, верительных грамот послов и ходатайств вельмож, ущемленных в правах, встречается такая «слезница»-челобитная. Если уж робкие сельчане отважились писать лично государю, а бдительные канцелярмейстеры дали бумаге ход – значит, в прошении содержится важная изюминка.

Последний раз канцелярия так рисковала, когда в Малых Валуях нашли пряжку от сандалии Вечного Странника. Пряжка, между прочим, оказалась подлинной: творила чудеса, облегчала дорогу дальнюю и оказывала снисхождение паломникам.

Его величество хмыкнули с интересом и углубились в чтение. Затем Эдвард II около часа пребывал в задумчивости, кушая фисташки. Наконец король просветленно воскликнул: «О! Серафимушка!» – и, звякнув в колокольчик, велел слуге отнести письмо Серафиму Нексусу.

С указанием разобраться и по исполнении доложить.

– ...вот, разбираюсь. На, дружок, почитай. Ехать-то тебе придется!

– Куда ехать? – оторопел Мускулюс.

– Не кудыкай, дорогу закудыкаешь, – строго напомнил вредитель.

– Далеко ли? – поправился малефик.

– В эти самые Заусенцы. Проклятие у них, понимаешь!

– Проклятие? Кто их, телепней, проклинал?

Старец развел руками на манер уличного фокусника. Складывалось впечатление, что он вот-вот должен был достать из шляпы незнакомца-проклинателя, да передумал. Или фокус не удался.

– Нихон Седовласец. Сто лет назад.

– Нихон? Ерунда! Он никогда никого...

– Знаю, отрок. Не проклинал. Никогда, никого, ни за что. А этих, выходит, проклял. Аккурат в Гурьин день Нихонову проклятию сто лет исполняется. Поедешь, зарегистрируешь в «Старую клячу»...

«Старой клячей» в лейб-малефициуме именовали «Клятый свод» – перечень известных Высокой Науке проклятий, с фиксацией прямых и косвенных воздействий, а также с базовыми методиками снятия. В свое время Андреа чуть не свихнулся, заучивая: «На объект, на жизнь объекта, на окружение объекта, на посмертие объекта, на объектальную деятельность...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.